

Дом,
который
ПОМНИТ
ЖИЛЬЦОВ

—◆—
Марк Вэйлер

Марк Вэйлер

Дом, который помнит жильцов

<https://litres.ru/74050391>

SelfPub; 2026

Аннотация

Инженер Лера Кленова приезжает обследовать старый аварийный дом, который давно пора расселить и снести. Для комиссии это обычный объект: трещины в стенах, сырые подвалы, документы, подписи, формальности. Но дом на Сенной линии оказывается не просто ветхим зданием.

Он помнит тех, кого вычеркнули из бумаг. Помнит жильцов, которые исчезли между актами, справками и чужими решениями. Помнит мальчика, не вернувшегося из пустой квартиры. И помнит то, что сама Лера предпочла бы забыть.

Чтобы понять, почему дом не отпускает своих жильцов, ей придётся столкнуться с тайной прошлого и назвать правду, за которую всегда приходится платить.

Марк Вэйлер

Дом, который ПОМНИТ ЖИЛЬЦОВ

Дождь шел с утра мелкий, липкий, такой, от которого не мокнешь сразу, а через час обнаруживаешь воду в рукавах, под воротником и в папке с актами. Лера Кленова стояла под козырьком дома на Сенной линии и смотрела, как капли перебирают ржавую сетку водостока. Внизу, у ступеней, плавали окурки и шелуха от семечек. Над дверью дергался датчик движения: тусклая лампа загоралась на три секунды, показывала табличку «Осторожно, обрушение штукатурки», гасла и снова оставляла подъезд в сыром полумраке.

— Нам бы быстро, — сказал председатель комиссии, не снимая капюшона. — Осмотр, фотофиксация, заключение. Людей предупредили.

«Быстро» он произнес так, будто старый дом мог услышать и из вежливости не начать сыпаться при свидетелях.

Лера достала планшет. Экран охлаждал пальцы через тонкие перчатки. В списке объектов дом шел под номером 14/3: назначено обследование, основание — просадка фундамента, влажность несущих стен, износ коммуникаций. Адрес она еще утром перечитала дважды. Сенная линия. Название лежало где-то на дне памяти, рядом с больничным запахом

хлорки и чужой рукой на плече, но Лера не стала туда лезть.

Таких домов у нее за год было больше двадцати: дворы-колодцы, черная плесень за кухонными шкафами, проводка, за которую страшно задеть рукавом, жильцы с папками справок, юристы с одинаковыми улыбками.

Улыбка Романа Гаева появилась рядом с ней почти сразу, как только открылся черный служебный седан.

— Лера, — сказал он, будто они встретились в кофейне, а не у подъезда, где из щели в ступени росла мокрая трава. — Рад, что объект дали тебе. Ты обычно смотришь на стены, а не на общий шум.

Он держал бумажный стакан с кофе. От крышки пахло пластиком и пережженным молоком. Костюм у Гаева был слишком тонкий для дождя, зато ботинки блестели, ни одной капли грязи на рантах. Когда-то он руководил отделом, где работала Лера, потом ушел в «Новый контур». Компания шла техническим оператором проекта комплексного развития территории: собирала пакеты по расселению, заказывала обследования и готовила участок к передаче застройщику.

Гаев научился говорить «объект» так, чтобы в этом слове не оставалось ни стен, ни людей.

— Факты в акте появляются после замеров, — сказала Лера. — Не после разговоров у подъезда.

— Вот за это тебя и ценят.

Она не спросила, кто именно. На прошлой неделе Гаев позвонил ей поздно вечером и предложил должность в но-

вом отделе оценки рисков. Оклад был такой, что Лера три раза перечитала письмо с условиями и потом до двух ночи смотрела на свою съемную кухню: облупленный подоконник, чайник с накипью, две кружки, одна треснувшая. Она почти сказала «да». Надо было только провести дом на Сенной через комиссию без публичного скандала.

В подъезде пахло мокрой известкой, жареным луком из квартиры на первом этаже и озоном от старого щитка: короткие искры синели внутри, когда кто-то включал свет. На стене висели объявления поверх объявлений. «Не кормить голубей» было перечеркнуто, рядом кто-то шариковой ручкой написал: «Не называйте ночью тех, кто съехал».

— Это они сами, — торопливо сказал председатель ТСЖ, перехватив Лерин взгляд. Синицын был маленький, плотный, с красными веками. — У нас пенсионеры нервные. После истории с мальчиком всякое пишут.

ТСЖ держало дом на бумаге, управляющая компания обслуживала его по договору, комиссия должна была решить, можно ли подписывать заключение, а «Новый контур» ждал чистый пакет по расселению. В старых домах ответственность всегда раскладывали так, чтобы каждый мог показать на соседний стол.

— С каким мальчиком?

— Да обычное дело, — вмешался Гаев. — Семья переехала, бабушка передумала, теперь ищет повод оспорить документы.

Лера включила на планшете служебный диктофон. Красная точка записи появилась в углу экрана. Эта привычка не раз спасала ее от разговоров, которые потом никто не помнил.

— Фамилия?

— Не относится к техническому состоянию дома, — сказал Гаев мягко.

— Всё, что влияет на доступ в помещения, относится.

С лестницы спустилась женщина в синем халате под пуховиком. В руках она держала пакет с квитанциями, перетянутый аптечной резинкой.

— Кривцов он, — сказала она. — Даня. Девять лет. Они с матерью уехали на Южный, только Даня вечером вернулся за роботом. С тех пор его в квартире слышно. А в акте стоит: выбыл вместе с матерью, помещение передано без замечаний. Представитель управляющей подписал, школа получила справку о переводе, участковый сказал бабке не мешать расселению. Ребенок пропал, а бумага чистая.

— Клавдия Петровна, — устало сказал Сеницын.

— Что Клавдия Петровна? Вы мне счета за него до сих пор приносите. Вон, он в квитанции до сих пор в составе проживающих. Горячая вода, водоотведение — всё по нормативу с учетом него. У нас даже тени по счетчикам идут.

Комиссия зашевелилась, кто-то усмехнулся. Лера не усмехнулась. Она знала, как в аварийных домах шутят, когда уже нет сил кричать.

Квартира Кривцовых была на третьем. Представитель управляющей принес ключ в опечатанном пакете: помещение числилось переданным после переселения. Внутри стоял запах старых газет и холодной пыли, поднятой сквозняком из щелей паркета. На кухне висела занавеска с желтыми лимонами. Подоконник вздулся от влаги, за батареей чернела плесень. Лера прошла комнату по периметру, отметила трещину над окном, отслоившуюся штукатурку, следы протечки. Всё было привычно, пока она не подняла тепловизор.

На экране пустая комната стала сине-зеленой. Батарея светилась тускло, как остывающая кость. У батареи, на полу, сидел маленький силуэт. Не красный, как живое тело, не желтый, как кошка или теплый пакет. Серый внутри синего, неправильный, будто прибор не мог решить, есть ли у этой формы температура.

Силуэт поднял голову.

Лера опустила тепловизор. На полу лежал только пластмассовый робот без руки.

— Сбой, — сказал за ее плечом техник. Он старательно смотрел не на экран, а в окно. — Отражение от батареи.

— Батарея за силуэтом, — сказала Лера.

Гаев поставил стакан с кофе на подоконник. Крышка щелкнула.

— Тепловизор ловит отражения от батарей и труб. При такой влажности картинка плывет.

— Отражение не сидит на полу и не поднимает голову.

Он посмотрел на нее без улыбки. Всего секунду, но Лера увидела под вежливостью тонкую усталую злость человека, который уже решил вопрос и теперь вынужден ждать, пока другие перестанут мешать.

— От старого дома, Лера. Не делай вид, что ты впервые видишь, как они чудят.

Дом действительно чудил. Старые дома помнили жильцов: шаги в коридоре, скрип кровати, привычку ставить тапки носками к батарее. Город официально называл это акустическими эффектами, температурной инерцией и коллективной тревожностью. Неофициально комиссии знали: если жильца выдавили из комнаты грязно, стены могли еще долго держать его след. Чаще всего след слабел сам, как запах еды в подъезде после ужина. Но иногда цеплялся.

Лера отметила в планшете «аномальные тепловые данные, требуется повторная проверка». Председатель комиссии вздохнул так, будто она лично подложила под фундамент лишнюю трещину.

— Это задержит заключение.

— На сутки.

— У нас срок до пятницы.

— Сегодня вторник.

Гаев поднял стакан, но пить не стал.

— После осмотра зайдешь ко мне в офис? Проговорим риски.

— Сначала закончим осмотр, — сказала Лера.

В подъезде снова щелкнул свет. На стене, где желтела старая побелка, проступила влажная полоса. Лера сначала решила, что это вода из трубы. Потом полоса собралась в цифру: 37.

Тридцать седьмая квартира была заперта.

К вечеру акт не был подписан. Лера сослалась на необходимость повторного обследования щитовой и подвала, собрала приборы и уехала вместе со всеми. Она честно выдержала два часа дома: разогрела гречку, открыла письмо от «Нового контура», прочитала строчку «готовы обсудить дату выхода после закрытия объекта», закрыла. За окном мокли контейнеры и вывеска круглосуточной аптеки. В батарее ее съемной квартиры стукнул воздух.

Три коротких удара. Пауза. Семь.

Лера встала, оставив на кухне включенный свет, и поехала обратно.

После десяти двор на Сенной линии был почти пуст. Только у арки курьер в желтой куртке ругался в телефон, потому что навигатор завел его к закрытому шлагбауму. На стройплощадке за домом работали прожекторы; краны висели над крышами, как тонкие черные стрелки. Лера открыла подъезд служебным ключом. Запах жареного лука исчез. Остались мокрый бетон, пыль и кислый дух подвала, где давно не просыхали тряпки.

Камера над почтовыми ящиками мигнула красным огоньком.

— Снимай, — сказала Лера камере. — Мне тоже пригодится.

Подвал открылся с третьего раза. Замок заедал, металл оставил на перчатке рыжую ржавчину. Внизу было холоднее, чем на улице. По трубам бежала вода, где-то капало в пластиковое ведро. Звук был размеренный: капля, пауза, капля, шорох. На полках лежали домовые журналы, старые журналы обхода, коробки с лампочками, пачки актов, перевязанные бечевкой. Управляющая компания редко выбрасывала бумаги; старый дом с документами был удобнее живых людей, потому что не спорил, пока его не спрашивали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.